

Е. Л. РУДНИЦКАЯ

Шестидесятник Николай Ножин

<Фрагменты>

<...> Описанные Л. Мечниковым страстные теоретические споры, которые происходили между Ножиным и Бакуниным, — чрезвычайно интересный и значительный факт в истории русской общественной мысли.

Бакунин обосновался во Флоренции в январе 1864 г. 1863 г. унес с собой его горячие упования и веру в близость русской революции, которая мыслилась (не им одним) как слияние в едином потоке польского восстания с общерусским крестьянским выступлением.

Человек огромного революционного импульса, Бакунин, находясь в Стокгольме, был занят налаживанием русско-польско-финских революционных связей. Убедившись в тщетности расчетов на победоносную социальную революцию в национальных масштабах, он задумывает план создания тайного международного революционного общества. Именно во Флоренции в 1864 г. Бакунин подготовил первые документы, излагающие программные и организационные принципы этого общества*. Встреча с Ножиным произошла в тот решающий, поворотный момент жизни Бакунина, когда в его сознании формировалась анархистская система. Он был занят в это время ее историко-идейным обоснованием.

---

* Рудницкая Е. Л., Дьяков В. А. 1) Новые материалы о Тайном Интернациональном братстве М. А. Бакунина // Проблемы итальянской истории. М., 1972; 2) Рукопись М. А. Бакунина «Международное тайное общество освобождения человечества» (1864 г.) // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Т. VI. М., 1974.

Каков же был к моменту знакомства с Бакуниным идейно-теоретический багаж Ножина? Для ответа на этот вопрос мы располагаем ограниченными сведениями. Нам известен радикализм его политических воззрений. Об этом согласно свидетельствуют и его ближайшие товарищи, и идейные противники.

В воспоминаниях Романовича-Словатинского Ножин характеризуется как социалист, человек крайне нетерпимый и горячо отстаивающий политические позиции группировки, наиболее последовательно стоявшей на революционно-демократических позициях. Подобная оценка подтверждается всей совокупностью имеющихся данных. Поэтому тем существеннее для нас та деталь в этих воспоминаниях, которая говорит о резко отрицательном отношении Ножина к индивидуалистической концепции соотношения личности и государства. Вряд ли возможно допустить, что имя Бакунина или тем более ссылка на его взгляды смогла прозвучать на диспуте, происходившем в 1861 г., — ведь только в самом конце года Бакунин вновь появился на европейской политической арене и только в 1862 г. выступил с декларацией своих политических идей. По-видимому, автор воспоминаний вольно экстраполировал высказывания Ножина в Гейдельберге в 1861 г. на ту систему взглядов, которые связывались, ко времени создания воспоминаний, с именем Бакунина. Итак, Ножин в 1861 г. — убежденный социалист, резко отвергающий принцип индивидуализма, противопоставления личности или даже общественной группы государству. Как видим, это очень далеко от анархизма.

Единственным, наиболее ранним документальным источником, принадлежавшим самому Ножину и фиксирующим в какой-то мере содержание его общественных взглядов во время пребывания за границей, является сохранившийся в его бумагах черновик статьи. Она писалась им во время пребывания во Флоренции в 1864 г. Статья была вызвана взволновавшим передовое флорентийское общество выступлением реакционеров, вдохновляемых клерикалами, против профессора Мориса Шиффа. Ему был прислан протест за подписью 783 человек против производимых в возглавлявшемся им физиологическом институте опытов над животными.

В своей статье, предназначавшейся, видимо, для русского журнала, написанной страстно, но сумбурно, Ножин пытался развить следующие основные идеи. Наука, утверждает Но-

жин, является действенным началом, ее назначение — «войти и связаться с практической жизнью в одну неотразимую силу, двигательницу всей строящейся новой общественной жизни»*. Ставя знак равенства между понятиями наука и естествознание, а в данном конкретном случае даже еще уже — физиология, Ножин формулирует положение о ее соотношении с социологией: физиология, пишет он, «одна, да одна может дать ответ и след[овательно] средства решить в пользу прогресса, свободы и счастья всю неурядицу современной жизни! Нет теперь в науке вопросов, не имеющих своими прямыми неизбежными выводами разрешение жизненных, социальных вопросов! И разрешение их всегда в пользу всего нового, справедливого, свободного — во вред всему отсталому, безнравственному»**. Статья в целом пронизана духом демократизма.

Таким образом, мы можем констатировать, что ко времени встречи с Бакуниным Ножин выработал те исходные принципы, которые легли в основу всех его последующих социологических построений и понимания движущих сил общественного развития. Науке отводилась при этом решающая роль. Важно подчеркнуть, что Ножин вкладывал объективно революционный смысл в свое понимание роли науки как силы, преобразующей общественные отношения. Ставя перед собой задачу изучения закономерностей, которые лежат в основе социального прогресса, он полагал, что их надо искать в законах развития живого мира, в естествознании. От них он и отталкивался, пополняя в то же время «с судорожной торопливостью многочисленные, преимущественно политические пробелы своего воспитания». Свидетельствуя об этом, Л. Мечников имел в виду 1862–1863 гг., когда Ножин занимался эмбриологией и физиологией, одновременно добирая материал для всестороннего социологического трактата***.

В свете сказанного острые дискуссии между Бакуниным и Ножиным, происходившие во Флоренции, предстают не только как факт столкновения двух «фанатиков, двух довольно отдаленных одно от другого поколений: один — сложившийся окончательно,

---

* ГАРФ. Ф. 95. Оп 2. Д. 150. Л. 8 об.

** Там же. Д. 9–9 об.

*** М. А. Бакунин в Италии в 1864 году. Из воспоминаний Л. И. Мечникова // Исторический вестник. 1897. Кн. III. С. 819.

непоколебимый; другой — мучительно ищущий, но умеющий при случае с такою же роковою космической устойчивостью стоять на своем»*. Приоткрывается и суть разногласий. Приведем рассказ Мечникова, значительный по содержанию и колоритности изложений. «Среди соотечественников, — пишет он, имея в виду русскую колонию во Флоренции в 1864 г., — самым выдающимся был... Ножин, юноша лет двадцати двух или трех, но похожий на вид на пятнадцатилетнего мальчишку. Бескровный, худой, с заячьим профилем, с серыми глазами навывкате, Ножин походил на недоучившегося школьника... К тому же в манерах и в одежде он доводил до смешных крайностей замашки модного тогда вывесочного нигилизма...

К симпатичному всем нам Ножину воспылал пламенной нежностью Н. С. Курочкин (врач, брат поэта и сам поэт)... Под влиянием Ножина Курочкин... только и бредил, что о науке. “Наука — великое дело, — говаривал Бакунин, — но оставим ее тем, кто с нею теснее нас знаком”»**.

Переходя к сопоставлению идейных устремлений Бакунина и Ножина, Мечников видел существо их расхождений в подходе к проблеме революции. «Оба, — писал Лев Ильич, — жаждали всей душой и с одинаковой искренностью всесветного перерождения, коренного изменения вековых устоев и основ общест­венности и нравственности... Но для Бакунина революция уже успела окончательно отлиться в форму какого-то грандиозного ритуала, уложиться в несколько формул: анархия, отрицание государственности, социализм... Ножин само слово “революция” почти никогда не употреблял. Он всем своим изнывающим нутром мучительно сознавал, что надо перейти к иным, более справедливым основам общественности и нравственности. Он смутно угадывал некоторые из этих новых основ, но сформулировать их не умел, отчасти по замечательному недостатку красноречия, отчасти же просто потому, что многого еще обдумать и уяснить даже самому себе порядком он еще не успел... Ему даже не ясно было — революция или эволюция вернее приведет к этому желанному изменению основ. Он не имел предвзятого расположения ни к той, ни к другой, но в нем была мучительная жажда поскорее узнать этот желанный путь — и именно узнать

---

* Там же. С. 819–820.

** Там же. С. 818–819.

с научной достоверностью, не оставляя в столь капитальном деле ничего на веру, ни на чувство, ни на гадание...

Столкновения между Бакуниным и Ножиным случались каждый раз, когда судьба их сводила вдвоем. Внешние поводы к ним были самые разнообразные, но сущность постоянно оставалась одна: Бакунин осуждал книжные, научные популяризации Ножина, отстаивал со всею силою своего львиного красноречия политику страстей и на ней основанные революционные и конспиративные приемы. Дело всегда кончалось тем, что Бакунин не скрывал презрительного раздражения, уходил от этого “взбалмошного мальчишки”, или же Ножин убежал, красный как рак, не помня себя*.

Мечников прав: Ножин был еще весь в исканиях. Но и идейная платформа Бакунина в описываемый момент не может быть охарактеризована столь статично, как это сделал Мечников. Перечисленные им формулы — анархия, отрицание государственности, социализм — воссоздают только общие контуры комплекса идей, которые характеризуют мировоззрение Бакунина на последнем этапе его деятельности.

Между тем именно зима 1864 г. была крупнейшей вехой в его политической биографии. Историко-философская концепция, разработкой которой он был в это время занят, и основанная на ней социально-политическая программа, зафиксированные в рукописи «Международное тайное общество освобождения человечества», содержали все те идеи, которые легли в основание созданной им анархистской доктрины. На этой теоретической основе Бакунин утверждал идею революции, ее естественноисторическую и нравственную обусловленность. Однако, оставаясь общетеоретической посылкой, его анархизм еще не был тем бунтарским анархизмом, теоретиком и практиком которого он стал позже.

То, что мы знаем о содержании споров Ножина с Бакуниным в 1864 г., позволяет заключить, что Ножин был не удовлетворен тем обоснованием революционного действия, которое отстаивал перед ним Бакунин. Однако, как это будет видно при рассмотрении социологических взглядов Ножина, соприкосновение с кругом идей Бакунина нашло своеобразное преломление в тех поисках пути естественнонаучного обоснования социализма, которым шел Ножин.

---

* Там же. С. 820.

Возвращаясь к статье Ножина в защиту проф. Шиффа, следует подчеркнуть, что сам Ножин рассматривал это выступление как акт политической борьбы. Статья Ножина в защиту прогрессивного европейского ученого от нападок реакции была одним из выражений солидарности деятелей русского освободительного движения с прогрессивными деятелями Европы. Как известно, в защиту Шиффа выступил в итальянской печати и А. А. Герцен*.

Провозглашенная Ножиным борьба за науку, которой суждено найти «широкое поле деятельности»**, опиралась на практику реализации этого принципа в деятельности «Земли и воли». Таким представляется нам факт привлечения к «Земле и воле» М. Шиффа, что подтверждается обращением к нему через Стурарта с циркуляром — инструкцией, которая рассматривала его как заграничного члена организации. <...>

Мы не располагаем прямыми данными о членстве Ножина в «Земле и воле», да их нет и для подавляющего числа ее участников, что объясняется условиями конспиративной работы. Представляется вероятным, что наиболее благоприятным моментом для его оформления мог быть период его пребывания во Флоренции и произошло оно таким же образом, как и привлечение в организацию Шиффа, однако при том принципиальном различии, что в отношении Ножина этот акт был бы только оформлением его участия в революционной работе, направляемой «Землей и волей» уже с 1861 г. <...>

* * *

<...> Поясняя термин «взаимностные отношения», определяющий суть солидарности целостных личностей в его социально-биологической теории, Ножин дает его французский перевод — «mutualite», ссылаясь при этом на сочинение Прудона «De la capacite politique des classes ouvrieres». Действительно, понятие «взаимность» как социально-политический принцип пронизывает это посмертно изданное сочинение Прудона, привлекая к себе особое внимание Ножина и его круга. В архиве Ножина сохранилось заключение Н. В. Соколова к подготовленному ими переводу***.

---

* Литературное наследство. Т. 64. М., 1958. С. 547.

** ГАРФ. Ф. 95. Оп. 2. Д. 150. Л. 8 об.

*** Кроме «Заключения», в бумагах Ножина находится перевод VIII и IX глав этой книги. В № 6 «Русского слова» за 1865 г. была помещена статья

Рукопись эта, объемом в половину печатного листа, представляет, конечно, интерес прежде всего для характеристики самого Соколова. Как следует из текста «Заключения», Соколов, выступая пропагандистом идей Прудона, исполнял его личную просьбу*. Сопоставление перечня основных идей книги «Политические способности рабочего класса», изложенных Соколовым «по желанию самого автора» в «Заключении» к русскому изданию, с содержанием самой книги обнаруживает, однако, определенную тенденцию в их интерпретации.

Термин «взаимость» нес в последнем сочинении Прудона чрезвычайно насыщенную идейную нагрузку, служа обоснованием его социальной и политической программы, утверждавшей царство мелкого производителя, не стесненного государственной регламентацией и централизацией, свободно существующего в условиях автономии и федерации при максимальной независимости отдельных групп и лиц.

То преломление, которое получили идеи Прудона в рукописи Соколова «Заключение» (имевшей по своему прямому назначению характер их итогового обобщенного изложения), существенно для выяснения того, насколько они оказали влияние на социологические воззрения Ножина, в чем своеобразие восприятия их Ножиным. Сама возможность постановки этого вопроса именно в связи с рукописью Соколова оправдана не только тем внешним обстоятельством, что она находилась в руках Ножина в то время, когда он работал над изложением своей социологической теории, но и тем гораздо более существенным фактом, что социальный смысл, вкладываемый им в термин «взаимость», обнаруживает определенную близость к толкованию его Соколовым.

Принцип взаимности Прудона отражал его мечту об обществе мелких собственников, полной гармонии интересов которых мешает только государство, искажающее, как он считал, естественно складывающиеся нормальные экономические отношения. Принцип разделения труда рассматривался им при этом как неотъемлемая часть этих естественных отношений и служил в системе его рассуждений исходным логическим обоснованием экономического раздробления, за которое он ратовал.

Н. В. Соколова «Прудон о французской демократии», посвященная этому произведению.

* ГАРФ. Ф. 95. Оп. 2. Д. 160. Л. 37, 40.

Ножин же, как мы видели, строил всю свою социологическую систему как раз на противоположном исходном принципе, отрицающем в разделении труда не только какое-либо позитивное начало, но, напротив, выведившем из него все социальные и экономические противоречия. Воспринимая от Прудона его критику экономических противоречий буржуазного общества, он подводит под эту критику философское социально-биологическое обоснование, на котором строит свой социальный идеал, противоположный по своему содержанию социально-экономическому идеалу французского социалиста. Ножин утверждает единство индивидуального и общественного начал, при котором исчезнет частная собственность, эксплуатация труда капиталом и восторжествует идея солидарности, объединения социально и экономически равных членов общества.

В требовании взаимности у Прудона, как ее излагал Соколов и что соответствовало общему смыслу экономических идей Прудона, речь шла «о выгоде труда столько же, сколько и капитала». Ножин же утверждал, что «по разрешении общественных вопросов, т. е. при справедливом порядке вещей», все категории политической экономии, отражающие отношения, существующие в современном буржуазном обществе, — такие как труд, капитал, собственность, рабочая плата, — «сами собой исчезают и остаются только простые физиологические отправления, составляющие принадлежность каждого здорового организма»*.

Сведение социального к биологическому, замена социальных категорий биологическими характеризует и служебную функцию термина «анархизм», «анархия» в его употреблении Ножиным. Уже в своем первом выступлении в «Книжном вестнике», содержавшем изложение одной из центральных идей его биолого-социологической концепции — идеи «целостного организма», он провозглашает в этой связи «анархизм... условием полной, здоровой, счастливой жизни всех неделимых животного царства»**. И еще раз мы встречаем этот термин у Ножина, точно в том же смысле, но применительно непосредственно к человеку как «целостной личности», гармонически сочетающей умственное и мускульное развитие: в этом сочетании и заключаются

---

* Книжный вестник. 1866. № 5. С. 122.

** Там же. 1865. № 24. С. 469.

«индивидуальные выгоды, выгоды полного здоровья, свободы, анархии»*.

Это единственные во всем литературном наследстве Ножина употребления термина «анархизм». Тот совершенно определенный политический смысл, то содержание, которое несет в себе понятие «анархизм» как идейно-политическая доктрина, не могут быть непосредственно отнесены ко взглядам Ножина.

Не случайно у представителей народнической историографии оценка анархизма в системе воззрений Ножина получила прямо противоположный характер. В то время, как, например, Е. Колосов считает анархизм явлением для Ножина случайным, не связанным органически с системой его взглядов, то для В. Чернова Ножин — создатель «неотмирной системы кабинетного анархизма — анархизма не боевого, а мирного»**. Говорить о «системе... анархизма» Ножина — чистая спекуляция. Однако и сводить вопрос к поверхностному влиянию Бакунина — значит просто отмахиваться от проблемы, что и делал Колосов, развивая свою концепцию генезиса народнической идеологии.

Не рассматривая специально вопроса о теоретическом фундаменте, на котором развивал свои анархистские идеи в 1864 г. Бакунин, напомним только, что их встреча с Ножиным во Флоренции выявила полное взаимное неприятие. Во всяком случае, если Бакунин и подтолкнул Ножина в направлении к анархизму, то осмыслил он эту теорию совершенно самостоятельно и своеобразно.

Будучи очень далек от политического анархизма Бакунина, Ножин шел от природы человека, связывая с понятием анархизма утверждение полноценной и полноправной личности, индивидуальности как исходного условия коллективизма.

Иллюстрируя на примере простейших животных осуществление принципа сотрудничества, Ножин говорит о колонии гидр, существование и разрастание которых возможны только при объединении отдельных цельных особей как бы в системе простой кооперации. В своем стремлении дать естественнонаучное обоснование социальных явлений, ставя их в единый биологический ряд, Ножин впадает в наивно-материалистические иллюзии.

---

* Там же. 1866. № 6. С. 176.

** Чернов В. Где ключ к пониманию Н. К. Михайловского // Заветы. 1913. № 3. С. 104.

Заостренная антибуржуазность, демократизм, лежавшие в основе идейных исканий Ножина, определили их утопически-социалистический характер. Принцип рационализма, пронизывающий публицистический цикл Ножина «Наша наука и ученые», сформулирован им уже в первой статье: наука есть «двигательная сила к достижению человеческого идеала — решению общественных вопросов»*. <...>

---

* Книжный вестник. 1866. № 1. С. 18.